

На правах рукописи

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'Е.В. Шохина', is positioned in the upper right quadrant of the page.

Шохина Елена Викторовна

Семантика времен года в поэзии пушкинской поры

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2017

Работа выполнена на кафедре русской литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Нагина Ксения Алексеевна

Официальные оппоненты: **Алпатова Татьяна Александровна**,
доктор филологических наук,
доцент, ГОУ ВО МО «Московский
государственный областной
университет», кафедра русской
классической литературы,
профессор

Иваницкий Александр Ильич,
доктор филологических наук,
ФГБОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный
университет», Институт высших
гуманитарных исследований РГГУ,
ведущий научный сотрудник

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

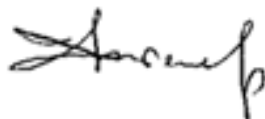
Защита состоится «20» декабря 2017 г. в 17.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: <http://www/science.vsu.ru/disser>.

Автореферат разослан «17» ноября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Александр Анатольевич Житенев

Общая характеристика работы

Неизменным ядром лирико-философских и иных раздумий об окружающем нас мире является сопоставление человеческой жизни с бытием природы. Смена жизненных этапов сравнивается с чередованием времен года, «пейзаж души» – с природным ландшафтом, изменение настроения – с капризами погоды. И шире: климат соотносится со сферами политики, экономики, и, в конечном счете, с самим обществом и культурой. Стремление связать природу и климатические особенности России с феноменом «национального» наглядно проявляются в текстах о временах года периода пушкинской поры.

В русской литературе начала XIX века отчетливо выделяются стихотворения, объединенные универсальными кодами и мотивами. Так складываются *зимние, весенние, летние и осенние* тексты. Используя дефиницию «текста», закрепленную в литературоведении В.Н. Топоровым, мы именуем определенные произведения первых десятилетий XIX века *сезонными* текстами русской литературы, отмечая, что каждое время года обладает ярко выраженной сюжетной и образно-смысловой парадигматикой, а авторские интерпретации времен года складываются в единый поэтический текст русской литературы.

Концептуальной для этой эпохи является категория «народности», сопряженная с мыслью о том, что климат, вкупе с образом правления и верой, способствует созданию «особенной физиономии» народа, обретающей свое отражение в отечественной литературе. Это популярное для 1820-1830-х годов понятие в русских интеллектуальных кругах сопрягается с учением шеллингианства и немецкого романтизма. Поэтическое воплощение русской флоры и фауны, особенностей климата становится знаковым описанием Родины.

Идейный и художественный ориентир русские поэты обретают в европейских лирических и прозаических произведениях эпохи сентиментализма, а затем и романтизма. Создавая картины природы, они черпают вдохновение в образцах зарубежной литературы, в первую очередь, у английских и французских писателей: Э. Юнга, Т. Грея («Элегия, написанная на сельском кладбище»), Дж. Битти («Менестрель»), О. Голдсмита («Путешественник»), Л. Стерна («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»), Ж.-Ж. Руссо («Исповедь»), А.Б. де Сен-Пьера («Этюды о природе»). Художественные произведения опираются также и на философскую мысль, а именно на климатические и метеорологические теории середины XVIII – начала XIX веков («О национальных характерах» Д. Юма, «Замечания о влиянии климата» У. Фальконе, «Дух

законов» Ш.-Л. Монтескьё). На фоне остальных выделяется теория Монтескьё о климатическом, или географическом, детерминизме. Философ утверждает, что климат обуславливает «характер ума и страсти сердца», коим должны соответствовать законы государства. Признает воздействие климата на национальный менталитет и Вольтер, ставя, однако, на первое место силу правительства и религию.

Весомым произведением европейской литературы становится описательная поэма Дж. Томсона «Времена года», где картины природы даны обобщенно, а каждое время года отмечено характерными природными особенностями. Выдвигая тему, связанную с интимной жизнью души, Дж. Томсон изображает национальный английский пейзаж, что обостряет интерес русских поэтов к пейзажной лирике и дает мощный толчок к созданию собственных произведений в подобном роде. Преобразователем новой предромантической пейзажной поэзии в русской литературе выступает Г.Р. Державин, а в творчестве писателей первых десятилетий XIX столетия складывается поэтика времен года, имеющая прямое отношение к феномену «национального».

Таким образом, обращение к *сезонной* лирике поэтов пушкинской поры, определяющейся рамками 1810-1830-х годов, представляется обоснованным и естественным.

Актуальность работы связана с ростом научного интереса к проблеме семантики календаря и климата в художественных текстах, чем продиктована необходимость аналитического описания феномена художественной климатологии, сложившейся в русской литературе первых десятилетий XIX века.

Тема диссертационного исследования при всей своей актуальности долго игнорировалась исследователями. Ключевые мотивы и идеи, касающиеся времен года, метеорологических или пейзажных наблюдений и играющие особую роль в поэтике лирических и прозаических произведений, рассматриваются в отдельных работах ученых, но обобщающий труд так и не создан. В этом отношении показательна статья К. Богданова «Климатология русской культуры. Prolegomena», подробно освещающая этапы развития человеческой мысли в вопросе взаимозависимости климата и категории национального.

Подспорьем нашему исследованию послужили труды многих ученых. Основополагающим в работе является понимание текста как пространства (согласно В.Н. Топорову), поэтому представляется возможным говорить о сверхтексте времен года в русской литературе.

Интегрируя в сложное незамкнутое единство произведения отдельных авторов, сверхтекст поддерживается литературными

универсалиями¹. К примеру, художественное осмысление природы, и в частности флоры как культурного и духовного явления, воплощается с помощью универсалии сада, играющей немаловажную роль в *весенних* и *летних* текстах. В *зимних* текстах обнаруживается универсалия *метели*, связанная и с национальной идентификацией, и с любовным сюжетом. Разработке теории литературных универсалий и анализу функционирования их в художественных текстах посвящена серия сборников «Универсалии русской литературы» под редакцией А.А. Фаустова, труды которого также создают фундамент для подобного исследования. В этом ракурсе нас интересуют универсальные образы и мотивы, возникающие в *сезонных* текстах различных авторов.

Современные тенденции в осмыслении поэтики времен года и отдельных категорий флоры и фауны в творчестве поэтов начала XIX века отражают работы К.А. Нагиной («Метельные пространства русской литературы»), Г.П. Козубовской («Поэзия А.А. Фета и мифология»), А.В. Шапуриной («Традиции русской поэзии XVIII века в лирике природы Ф.И. Тютчева»), М.Р. Ненароковой («Язык цветов: образ сухих листьев в европейской и русской поэзии 1-ой половины XIX века»), А.А. Левицкого («Образ воды у Державина и образ поэта»), Л.Л. Бельской («Ласточка в русской поэзии»), А.А. Фаустова («Полет ласточки в русской поэзии», «Язык переживаний в русской литературы: на пути к середине XIX века»), Ф.Б. Успенского («К истории русских литературных насекомых») и других исследователей. Претворение традиций XVIII века в творчестве поэтов-романтиков рассматривают Г.А. Гуковский («Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века»), К.Ю. Лаппо-Данилевский («О литературном наследии Н.А. Львова»), Т.А. Алпатова («Символика райского сада в поэзии М.В. Ломоносова»), Т.В. Зверева («Творчество Н.М. Карамзина: Актуальные проблемы изучения») и другие.

Вследствие тесного сопряжения времен года с самобытным мифологическим мышлением возникает необходимость подкрепить изучение поэтики литературных произведений обращением к трудам А.Н. Афанасьева, А.Н. Веселовского, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, А.Ф. Лосева и других ученых, исследовавших мифологические представления и литературные архетипы.

Отдельно следует оговорить, что на фоне всех текстов о временах года выделяются произведения А.С. Пушкина, который считается одним из зачинателей изображения в поэзии реально существующего русского пейзажа, значимого для поэта. Список аналитических работ об

¹ Фаустов А.А. Литературные универсалии: на пути к терминологической демаркации // Универсалии русской литературы. – Воронеж, 2009. – С. 24.

А.С. Пушкине чрезвычайно обширен, поэтому обозначим только опорные исследования, среди которых труды Г.А. Гуковского, Л.Я. Гинзбург, Г.П. Макогоненко, М.И. Гиллельсона, В.С. Непомнящего, В.Э. Вацуро, Б.В. Томашевского, В.А. Грехнёва, А.А. Фаустова, И.З. Сурат, Л.В. Гайворонской. Близкой нам по тематике и методологии исследования является монография Л.В. Гайворонской «Семантика времен года в художественном мире А.С. Пушкина», которая во многом задает вектор изучения *сезонных* текстов А.С. Пушкина в контексте других лирических произведений первых четырех десятилетий XIX века.

Также следует упомянуть труды М.О. Гершензона («Мудрость Пушкина»), В.А. Грехнева («Этюды о лирике А.С. Пушкина»), Е.М. Таборисской («Лирика Пушкина», «Этюды на полях пушкинского романа в стихах»), В.З. Паперного («Свобода и страх в поэтическом мире Пушкина»), В.А. Кошелева («Евангельский “календарь” пушкинского “Онегина” (к проблеме внутренней хронологии романа в стихах)»), А.И. Иваницкого («“Зимний путь” Пушкина»).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые представлено системное описание художественной климатологии как «сверхтекста» русской литературы.

Предметом исследования является семантика и поэтика лирических и лиро-эпических произведений поэтов первых десятилетий XIX века.

Объектом исследования являются стихи поэтов пушкинской поры (Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова, Д.В. Веневитинова, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига, Н.И. Гнедича, В.А. Жуковского, И.И. Козлова, В.К. Кюхельбекера, А.С. Пушкина, В.И. Туманского, Н.М. Языкова и др.).

Цель работы: исследовать художественную климатологию, складывающуюся в произведениях поэтов пушкинской поры.

Для достижения данной цели мы ставим **следующие задачи:**

1. Определить круг авторов начала XIX века, в творчестве которых репрезентирована *сезонная* лирика.

2. Обозначить семантику времен года и обнаружить закономерности в изображении природных сезонов.

3. Выявить соотношение индивидуально-авторского и традиционного в изображении времен года.

4. Установить, обладают ли времена года способностью воздействовать на сюжет лиро-эпических произведений, и определить степень этого влияния.

5. Проанализировать образную систему *зимней, весенней, летней, осенней* лирики начала XIX века.

6. Описать доминантные мотивы, функционирующие в художественном изображении каждого из времен года.

Материал исследования составили лирические и лиро-эпические произведения русских поэтов первых десятилетий XIX века, при этом по мере необходимости привлекались поэтические тексты соседних литературных эпох.

Методы исследования: сопоставительный, системно-структурный, мифопоэтический, сравнительно-исторический, мотивный анализ.

Методологической базой работы послужили литературоведческие, философские, фольклорно-этнографические, общетеоретические и другие исследования таких ученых, как А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин, М.П. Алексеев, М.О. Гершензон, Л.Я. Гинзбург, И.М. Семенко, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Ю.В. Манн, В.Э. Вацуро, А.А. Фаустов.

Теоретическая значимость диссертации заключается в исследовании категории климата в *сезонной* лирике первых десятилетий XIX века. Результаты исследования расширяют и дополняют представления о сверхтексте классической русской литературы, а также об универсальных мотивах в литературном процессе.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть применены в разработке вузовских курсов по истории русской литературы XIX века и в чтении спецкурсов по творчеству писателей первой половины XIX века, в том числе А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского. Также материалы исследования могут использоваться при построении спецсеминаров по универсалиям русской литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество поэтов пушкинского круга характеризуется постоянным интересом к поэтике времен года как художественной основе для национальной самоидентификации.

2. Произведения поэтов пушкинской поры о временах года образуют образно-смысловое единство, и поэтому их уместно определять как *сезонные*, а именно *зимние, весенние, летние, осенние* тексты русской литературы. При этом каждый *сезонный* текст имеет свою систему мотивов и образов, связанных с кругом репрезентируемых авторами тематических комплексов, которые в конечном итоге образуют поэтический хронотоп времен года.

3. Семантика *зимы* и *осени* несет в себе внутреннюю противоречивость и амбивалентность, так как витальная энергия сопрягается с тоской по ее потере, жизнь со смертью, что философски осмысливается поэтами.

4. *Зимние* тексты ориентируются на патриотические настроения своей эпохи и следуют тенденции упрочения национальной тематики в литературе: в них задается модель «зимнего» поведения русских людей и их взаимоотношения с этим суровым временем года.

5. *Зима* и, в меньшей степени, *осень* и *весна* связываются с творческим процессом и вдохновением благодаря особым типам героев – Мечтателю и Поэту. Такие лирические субъекты начинают творить или предаваться ментальному процессу вследствие ситуаций, возникающих под воздействием природы.

6. В *весенних* текстах поэтов пушкинского круга проявляются орнитологические коды и мотивы; птицы вдохновляют на поэтическое творчество, метафорически сближаются с бессмертной душой поэта (особенно ласточка), отражая его стремление оказаться в единении с Природой и Создателем.

7. *Весна* актуализирует представления о райском саде, акцентируя идиллические мотивы молодости, любви, радости, творчества, обновления.

8. В *летних* текстах на первый план выдвигаются земледельческие и сопряженные с ними инсектные мотивы, а основой для сюжета лирических произведений служит категория труда.

9. В творчестве поэтов пушкинского круга имеется ряд *сезонных* текстов, которые воспроизводят эмоциональный опыт поэтов, не будучи нагружены философским или мифологическим планом.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на ежегодных научных конференциях «Универсалии русской литературы» (ВГУ, 2014-2017 гг.), на межрегиональных научных конференциях «Литературные юбилеи и проблемы компьютерной поэтики» (ВГУ, 2014-2017 гг.), на XXIII международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 28 февраля 2017 г.), на международной научно-практической конференции «Вопросы образования и науки» (г. Тамбов, 31 марта 2017 г.), на ежегодных научных сессиях филологического факультета ВГУ в 2014-2017 гг. По теме диссертации опубликовано 9 работ.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Списка использованной литературы, состоящего из 235 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы выбор темы диссертационного исследования и его актуальность, определены цели и задачи работы, объект, предмет и теоретико-методологическая база исследования, раскрыта

научная новизна, выявлена теоретическая и научно-практическая значимость диссертации, а также сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Зима»** посвящена *зимним* текстам поэтов пушкинской поры. В описании сезона выявляется два крупных спорящих друг с другом семантических блока: абсолютно положительный, радостный, жизнеутверждающий и унылый, мрачный, несущий в себе танатологические коннотации. Также на первый план выдвигается феномен русского национального характера, тесно сопряженный с образом холодного времени года.

В первом параграфе первой главы **«Лики зимы в поэзии П.А. Вяземского»** исследуются *зимние* тексты поэта, в которых оформляется концепция изображения названного времени года в соответствии с патриотическими настроениями эпохи. Стихотворение П.А. Вяземского «Первый снег» отражает стремление автора воплотить категорию «народности» в поэзии. При противопоставлении северного климата южному поэт отдает предпочтение первому. В лирическом тексте не только постулируется любовь русских к холодному времени года, но и создается такое описание зимы, в котором прослеживается ее двойственное влияние на русский характер. Поэт узаконивает тему зимнего «пылания» сердец.

Тенденции национальной самоидентификации, заданные П.А. Вяземским, поддерживаются многими поэтами пушкинского круга: так, по контрасту с поведением иностранцев создается модель *зимнего* поведения русских людей. У русских жизненный тонус активизируется под властью холода, что подтверждается выстраиванием поэтической оппозиции «снег / огонь», «лед / пламя», в которой «жаркая» составляющая инициирована холодной. Истоки соположения этих категорий прослеживаются в текстах конца XVIII века (оды М.В. Ломоносова, «На взятие Измаила» Г.Р. Державина, «Новый XIX век в России» Н.А. Львова). В стихотворении «Царскосельский сад зимою» П. Вяземский обращается к приятелям с просьбой не забывать своих «северных друзей», подчеркивая тем самым значимую характеристику русских – принадлежность северу, морозам, зиме.

Важный семантический поворот происходит в сопряжении *зимы* с русскими людьми по принципу родства: мать – дети, что наблюдается в стихотворениях П. Вяземского («Масленица на чужой стороне»), К. Батюшкова («Переход через Рейн»), А. Дельвига («Русская песнь») и других поэтов. Наряду с положительными коннотациями в *зимних* текстах П. Вяземского появляются и прямо противоположные, связанные с

увяданием и смертью. Зачастую *зима* персонифицируется в образе старухи, что связано с «усыпляющей» функцией этого времени года.

В лирике первых десятилетий XIX века начинает отражаться амбивалентность русского характера, что влечет за собой определение магистральных линий развития *зимнего* текста русской литературы.

Во втором параграфе первой главы «**Метель и смерть**» исследуется универсалия *метели* и выявляются потенциальные способности стихии воздействовать на сюжет лиро-эпических произведений. Любовные коллизии в балладах В.А. Жуковского («Светлана», «Людмила») и поэмах Е.А. Баратынского («Бал», «Цыганка») завязаны на зимнем времени года, отмеченном инфернальными и танатологическими мотивами. В балладах В. Жуковского пространство метели, вбирающее в себя нечистую силу и атрибутику ужасного, в вихревом вращении затягивает героинь, направляя их навстречу гибели. В поэмах Е. Баратынского зима и метель служат фоном, на котором разворачиваются трагические события: Эда взывает к метели как к избавительнице от любовных мучений, зимой Нина совершает самоубийство, Вера Волховская, подобно героиням В. Жуковского и А. Пушкина, во время побега для тайного венчания оказывается во власти метели.

Инфернальная ипостась *метели* проявляется и в «Зимних карикатурах» П.А. Вяземского, где поэт соединяет *метель* с тьмой, что в дальнейшем станет классическим приемом описания вьюги / бури. Необычайное эмоциональное единство лирической тревоги и тоски обнаруживается в стихотворениях А.С. Пушкина о жизненном / зимнем пути и судьбе (наиболее ярким примером является стихотворение «Бесы»). В текстах В. Кюхельбекера, Е. Баратынского, А. Дельвига, П. Вяземского *зима* сближается со смертью или полностью отождествляется с ней, в связи с чем характерные признаки зимы: холод, мороз, снег – становятся маркерами смерти, превращаясь в саван или могильный холод. В стремлении философски осмыслить сущность бытия поэты дают двойственную оценку зимы, то сопоставляя ее со старостью / смертью, то соотнося с гармонией / вдохновением. Танатологические мотивы *зимних* текстов поддерживаются образами пустоты и застывания, корреспондирующими с мотивом молчания – наиболее мощным выражением смерти.

Мотив времени, присутствующий в *зимних* текстах, превращает *зиму* не просто в «природное» явление, а в особый период, когда человек задумывается о смысле жизни, вечности, судьбе и своем предназначении. Зачастую умирание рассматривается как один из этапов существования, а не его итог.

В третьем параграфе первой главы «**Поэт и зима**» предметом рассмотрения становятся «зимние» состояния Поэта, маркированные погружением в мир мечтаний и снов у печи / камина. Описания *зимы* амбивалентны: в ее образе могут доминировать как мрачные / смертоносные оттенки, так и спокойные и меланхоличные тона. Отличительной чертой Поэта является его способность абстрагироваться от вьюг и метелей в тот момент, когда он наблюдает их из окна; особыми его помощниками становятся музы и грации. При этом меланхолия героя приводит к прямому отрицанию зимы и формирует негативное отношение к ней. В какой-то момент с Поэтом может сливаться фигура Мечтателя, по своему статусу в принципе независимая от него, и тогда с категорией мечты сопрягаются любовные томления, актуализируется не творческий, а любовный мотив.

В произведениях В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, А.Х. Востокова и других авторов понятие путешествия, переходя из умозрительного в реальный план, отождествляется с образом дороги, инициирующим у художника острое ощущение тоски и философские размышления. Состояние вечерней *зимней* задумчивости Поэта легко перетекает в сон, в лирическом мире А. Пушкина иногда тождественный творческому акту. В итоге поэтические переживания Поэта становятся способом преодоления зимнего холода.

Во второй главе «**Весна**» исследуется сюжетная и образно-смысловая парадигматика *весенних* текстов, с которыми сопрягается текст сада-рая. На первый план выдвигаются мотивы любви, радости и блаженства, а мифопоэтика сада во многом создается благодаря образу флоры и орнитологическим мотивам.

В первом параграфе второй главы «**Весенний топос русской поэзии: птицы и мотыльки**» раскрываются принципы и способы изображения в лирических текстах весенней природы. Исследуется особая роль орнитологических образов: ласточка становится и вестницей прихода теплого времени года, и спутницей для любовного сюжета, и образом, относящимся к поэтической сфере.

Стихотворение «Ласточка» Г.Р. Державина является магистральным текстом для поэтов пушкинской поры: в нем образ птицы соотносится и с лирическим субъектом (ласточка сравнивается с душой поэта), и с миром человеческих чувств в целом, и с темой смерти. Как пособница в поэтическом творчестве, ласточка воспета в *весенних* текстах А. Дельвига, Н. Гнедича, А. Майкова, А. Фета.

Весенние птицы (соловьи, жаворонки) традиционно появляются в текстах в составе устойчивого идиллического пейзажа, также задающего

любовный локус. Сходную роль играют «крылатые» насекомые: пчелы и мотыльки. Органично в стихах возникает античный мифологический подтекст: образ соловья связывается с Филомелой. Весомой чертой последнего является его способность сопровождать встречи влюбленных в рощах или садах, а жаворонка – прославлять весну и своими трелями разливать любовь в мире.

В произведениях русских авторов конца XVIII – начала XIX веков мощно заявляет о себе тема сада, восходящего к райскому или античному садам; эта тема раскрывается во втором параграфе второй главы **«Флористические мотивы»**. В нем определяется ключевая для *весенних* текстов тема обновления / воскресения природы после долгой холодной зимы, отражающаяся в разнообразных флористических образах. При этом именно с природой, с «садообразными» пейзажами поэты связывают важнейшие эмоциональные состояния лирических субъектов: любовь, поэтическое вдохновение, единение с природой. В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков, В.И. Козлов, Д.И. Хвостов, А.П. Беницкий, Е.П. Зайцевский и другие поэты пушкинской поры создают идиллические или пасторальные локусы, подкрепленные античными ассоциациями. Яркими приметами весеннего поэтического сада являются розы, виноград, плющ, разнообразные плодовые деревья. Зачастую приход *весны* символично воплощается в образе созревающего винограда, древнейшего символа плодородия, изобилия и жизненной силы.

Одним из ключевых весенних образов, актуализирующих в русской поэзии европейский литературный контекст, представляется роза – метафорический знак весны / любви. Под влиянием А.С. Пушкина образ розы в середине XIX века трансформируется и начинает символизировать абсолютную чистую красоту, которой поклоняются поэты. В стихотворении А. Фета «Осенняя роза» лейтмотивом текста являются увядание и осенний холод, царящие в саду, и только роза имплицитно несет в себе энергию весны.

С помощью цветочных образов поэты сопрягают любовный и садовый мотивы в *весенних* текстах. Пространство сада, фрагментарно представленное в виде цветка, аллеи или рощи, располагает к любовным радостям или томлениям / переживаниям.

Третий параграф второй главы **«Художественные мотивы»** поддерживает тему Поэта, заданную *зимними* текстами русской литературы. Душа лирического субъекта, остро реагирующая на смену времен года, не может не откликаться на приход весны. Это переходное время года подталкивает Поэта к антитетичному пониманию *весны*: традиционному мотиву возрождения / воскрешения, имеющему не только

натурфилософскую, но и евангельскую основу, противостоит мотив угасания / умирания. Если первый маркирован радостью / восторгом, то второй, соответственно, тоской / разочарованием. Сюда же примыкает мотив торжествующей во всей красе молодости, пару которому составляет мотив быстротечности жизни, окрашенный в минорные тона. Мотиву памяти / воспоминания о прошлых годах сопутствует мотив забвения, жестокости времени. Циклическое движение времен года, времен дня и ночи, времени жизни человека можно принять и осмыслить лишь в философском плане, что и старается сделать Поэт с помощью акта творчества. В *весенних* текстах вместе с весной на землю могут спускаться и поэтические музы (А.С. Пушкин «Евгений Онегин», А. Дельвиг «Музам»).

Уныние, снедающее душу Поэта, мешает постигать красоту мира, в том числе весенней природы. Так, в поэтическом мире Е. Баратынского ключевым выступает мотив разочарования / разуверения, связанный с невозможностью сохранить надежды, мечты, воскресить былую любовь. Порой лирического субъекта посещает мысль о ненужности поэзии в современном мире («Весна», «К Креницыну»). И все же динамический потенциал *весны* влияет на внутренний мир героя, меняющегося под действием окружающего мира (В. Жуковский «Гимн», А.А. Крылов «Весна»).

Одно остается неизменным: Поэт пребывает в теснейшей сопряженности с весенней обновляющейся природой, и это обновление порождает мотивы, извод которых зависит от того психологического состояния, в котором лирический субъект встречает очередную весну.

В третьей главе «Лето» определяются важные для *летней* поэзии коды: растительный, вегетативный, астральный (лунный), акватический, с помощью которых передаются все нюансы любовного томления лирических субъектов. Идейный комплекс *летних* текстов включает в себя аграрные мотивы пахоты, сева и последующей жатвы урожая, которые органично вплетаются в канву лирических сюжетов.

В первом параграфе третьей главы «**Акватические и соляные мотивы**» рассматривается мифопоэтика *летних* лирических текстов пушкинской поры, объединяющая соляные мифы и акватические мотивы. Доминантным символом лета выступает могущественное светило – солнце, наделяющееся функциями творящего начала (что важно для аграрной тематики). С солнцем органически сопряжен комплекс определенных образов и мотивов: огонь, тепло, жизнь, озарение, жар, свет. Согласно мифологической логике, часть абсолютно тождественна целому, поэтому луч обладает всеми признаками самого солнца. Солнечный луч

эксплицирует лето в разных ипостасях: начало лета или конец, жаркое / палящее или прохладное.

На одном уровне с солнцем находится вода, «разливающаяся» в текстах дождями, ливнями или предстающая в виде различных водоемов. Вода вбирает в себя одновременно символику одного из базовых для земледельческого процесса элементов и эротическую символику, связанную с любовными свиданиями у ручья / реки. Будучи динамичной, вода может вступать в различные соединения с другими стихиями и принимать самые разнообразные формы. Подобно солнцу, она взаимодействует с золотом, растворяя «золото» солнца в себе (Г. Державин «Лето»). Образ водной стихии представлен русалочьими мотивами (особенно в творчестве А.С. Пушкина), мотивами очищения, дождя / бури, не всегда маркированными положительно.

Во втором параграфе третьей главы «**Земледельческие и инсектные мотивы**» *лето* рассматривается как время для труда, а не для философских размышлений, что подкрепляется и басенными текстами. Это проявляется в лирических произведениях А. Кольцова, Н. Некрасова, А. Фета, Ф. Тютчева. Метафорическое соединение процесса творчества и периода уборки урожая, скорее, является исключением в *летних* русских текстах, хотя поэтическое творчество соотносимо с процессом земледельческих работ на библейском уровне (актуализируется притча о сеятеле, который сеет слово). Картина созревания урожая на поле становится ключевой для летней лирики (Н.А. Львов «Лето», В.А. Жуковский «Летний вечер», А. Фет «Зреет рожь над жаркой нивой...»).

Интересно, что летняя фауна по большей части строится не вокруг орнитологических образов, которые включают в себя ласточку, кукушку, журавля, а вокруг инсектных образов, выпукло подчеркивающих реалии русской природы. «Трудятся» в русской поэзии начала XIX века не только крестьяне, но и разнообразные насекомые: логическое обоснование такой связи было заложено в творчестве И.А. Крылова, И.И. Дмитриева, И. Хемницера. В *летних* лирических текстах насекомые «располагаются» по двум противоположно маркированным полюсам: пчелы и кузнечики противопоставляются мухам, комарам, мошкам.

В третьем параграфе третьей главы «**Лето и любовь**» анализируются *летние* тексты, в которых прослеживается тема развития любовных чувств на фоне идиллического пейзажа.

Тема любви сопрягается с категорией мечты, так как этот ментальный процесс либо служит отправной точкой для возникновения любовных чувств между лирическими героями, либо способствует их поддержанию (К. Батюшкова «Мечта», Н.А. «Сомнение»). Движение любовных чувств

происходит и в обратном направлении: от осознания красоты мира к желанию выказать свои чувства конкретному человеку (Е.П. Ростопчина «Письмо в летнюю ночь»). Традиционное местоположение лирического субъекта – летней ночью у окна – усиливает разъединенность элегического героя с его идеалом (Е. Розен, А. Фет, А. Пушкин).

Местом зарождения любви между героями в русской литературе в большинстве случаев становится усадьба, а предтечей «усадебных» текстов являются условные любовные зарисовки на лоне природы или зарисовки супружеской любви. Таким образом, мощное влияние на развитие летних идиллий оказало стихотворение Г. Державина «Евгению. Жизнь Званская», в котором раскрывается тема семейной любви и деревенского (усадебного) блаженства и утверждается идея самоценности поэта и поэтического творчества.

Однако лирических произведений, посвященных любви, в первые десятилетия XIX века было создано мало, хотя лето, особенно проведенное в усадьбе или деревне, как нельзя лучше предрасполагает к завязке любовного романа. В середине XIX века в поэзии и прозе летние любовные коллизии сосредотачиваются в пространстве загородного «райского» сада. Основные события, развивающиеся в усадьбе и вокруг нее, в текстах А.А. Фета, А.К. Толстого, К.К. Случевского, Н.П. Огарева, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого чаще всего укладываются во временной промежуток с весны до осени (часто описывается весенний или летний вечер).

В четвертой главе «**Осень**» названное время года рассматривается как знаковая веха в космическом и в поэтическом пространствах. *Осенние* тексты содержат в себе поэтические коннотации, настраивающие лирических субъектов на философские раздумья о смысле существования всего живого, о финальной черте, к которой подходит герой, – порогу смерти. При этом *осенние* тексты отличаются обилием ярких красок в изображении русской природы и постулированием жизнеутверждающих тезисов о цикличном возрождении.

В первом параграфе четвертой главы «**Золотая осень: праздник жизни**» внимание акцентируется на том, что прославление гармонии сельской жизни инициирует появление картин идиллического топоса. Изобилие, богатые и щедрые дары осени продуцируют атмосферу радости и в природе, и в сердце человека (Г.Р. Державин «Похвала сельской жизни», «Осень»). Державинская осень воспринимается особым продолжением лета вследствие изображения этой поры как «румяной» и урожайной. Тема урожая поддерживается образами плодов: фруктов, ягод, овощей, злаков (В.А. Жуковский «Стихи на новый 1800 година», А.С. Пушкин «Виноград»,

Н.П. Греков «Приметы осени», А.Н. Майков «Раздумье» и др.). «Плодоносная» функция осени, обеспечивающая возможность нормальной жизнедеятельности зимой, в художественном восприятии поднимает ее на мифологический или сакральный уровни.

Поэты уверены, что в природе все взаимосвязано и ничего не умирает, – так актуализируется архетип замкнутого круга, вечного цикла возрождения в новом воплощении.

Венцом поэтических текстов, прославляющих эту золотую пору, становится программное стихотворение А.С. Пушкина «Осень (Отрывок)». Осень вдохновляет лирического субъекта, и он символически пожинает плоды своего творческого труда. В число пушкинских стихотворений об этом сезоне как периоде поэтического творчества входят стихотворения «Послание к Юдину» и «19 октября», в котором *осень* тесно сопрягается с темой памяти, приносящей облегчение Поэту в разлуке с дорогими для него людьми.

Во втором параграфе второй главы «**Элегическое восприятие осени**» рассматривается иная поэтическая точка зрения на этот сезон: жизнеутверждающему взгляду на мир противостоит пессимистический, осень напоминает поэтам о старости года и человека, вселяя в их души уныние, поскольку природа возрождается с приходом весны, а человек смертен, он «вянет навеки».

Философские размышления о смысле бытия и предназначении человека становятся центральными в *осенних* произведениях поэтов пушкинской поры. Осенний пейзаж делится на «унылый» или воспроизведённый по воспоминаниям. Тогда особенную эмоциональную нагрузку несут эпитеты «угрюмый» и «унылый». Унылые осенние картины подкрепляются соответствующими погодными условиями: постоянными туманами, мелкими дождями, страшными бурями с градом и сильным злым ветром.

«Осень» Е.А. Баратынского по праву считается одним из важнейших звеньев в цепи *осенних* текстов русской литературы: в нем усиливается мысль о трагичности предназначения поэта и его судьбы. Стихотворение завершается образами безмолвия и застывания, корреспондирующими с образом зимы-смерти. Осенний пейзаж по-новому раскрывает образ сада, который в большинстве случаев изображается в контексте темы утраченного рая. В стихотворении Е. Баратынского «Запустение» лирический субъект совершает прогулку по заброшенному саду, ставшему местом для воспоминаний и общения с духами прошлого.

Амбивалентный характер *осени*, как и *зимы*, указывает на сложность русского национального характера, носитель которого четко не

разграничивает время смерти / угасания / сна и время вдохновения / радости / созерцания прекрасного при изображении определенного времени года.

В **Заключении** работы подводятся итоги исследования, делаются выводы, касающиеся каждого поэтического времени года, их образной и мотивной систем; намечаются перспективы исследования рассматриваемых лирических произведений в их соотношении с созданными позже лирическими текстами о временах года.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Шохина Е.В. Зима как отражение русского национального характера в поэзии начала XIX века / Е.В. Шохина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2015. – Т. 25. – № 5. – С. 103-107.
2. Шохина Е.В. Семантика зимы в произведениях поэтов пушкинского круга / Е.В. Шохина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 3. – С. 102-105.
3. Шохина Е.В. Ситуация поэтического вдохновения в зимней лирике поэтов пушкинской поры / Е.В. Шохина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2016. – Т. 26. – № 5. – С. 106-110.
4. Шохина Е.В. Весенний топос русской поэзии: птицы и мотыльки / Е.В. Шохина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1 (274). – С. 170-173.
5. Шохина Е.В. Флористические мотивы в весенних текстах поэтов пушкинской поры / Е.В. Шохина // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 1 (31). – С. 235-240.
6. Шохина Е.В. Акватические и солярные мотивы в летних текстах русских поэтов начала XIX века / Е.В. Шохина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 2. – С. 81-84.

Статьи в других научных изданиях:

7. Шохина Е.В. Зимние мотивы в лирике П.А. Вяземского / Е.В. Шохина // Филологические записки: вестник литературоведения и языкознания. 2014-2015 – 2015. – Вып. 32. – С. 672-678.

8. Шохина Е.В. Образ Поэта в весенних текстах русской литературы начала XIX века / Е.В. Шохина // Вестник научных конференций. Вопросы образования и науки: по материалам международной научно-практической конференции 31 марта 2017 г. Часть 3. – 2017. – № 3-3(19). – С. 121-123.
9. Шохина Е.В. Мотивы молодости и возрождения в весенних текстах русской поэзии начала XIX века / Е.В. Шохина // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 2-5. – С. 138-140.